



ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ



«Божественная Комедия» в нашем издании публикуется в переводе известной русской поэтессы Ольги Чюминой. Этот полный стихотворный перевод всех трех частей поэмы Данте Алигьери, на наш взгляд, один из лучших. Переводчику удалось, во-первых, сохранить стихотворную форму великого творения Данте, а во-вторых, передать внутреннее содержание «Божественной Комедии» с очень большой близостью к подлиннику, невзирая на различия в морфологическом строе русского и итальянского языков (в частности, бо́льшая длина русских слов по сравнению с итальянскими). Таким образом, наше издание вполне может заменить русскому читателю итальянский оригинал. Для уяснения тех мест, которые почему-либо могли бы оказаться непонятными при чтении, для раскрытия завуалированных мыслей и намеков автора мы сочли необходимым снабдить текст поэмы соответствующими примечаниями и кратким конспектом каждой песни, что делает нашу книгу вполне доступной для понимания каждого читателя.

Среди многочисленных иллюстрированных изданий «Божественной Комедии» Данте — как на его родном языке, так и на других — до сих пор нет ни одного, в котором великий писатель нашел бы себе достойного истолкователя в великом художнике. Вот почему мы поместили в книгу рисунки различных художников, отобрав то, что нам показалось наиболее ценным. Помимо иллюстраций Гюстава Доре (кстати сказать, в России все 135 иллюстраций Гюстава Доре к «Божественной Комедии» практически никогда не публиковались), наше издание сопровождается работами других художников, дополняющими и поясняющими различные эпизоды путешествия в загробный мир, а также содержит многочисленные виды городов и местностей, упоминаемых Данте в произведении.

Таким образом, соединение лучших в литературном и художественном отношении произведений великих художников слова и рисунка дает нам право сказать, что настоящее издание является **первым полным иллюстрированным стихотворным переводом** поэмы «Божественная Комедия» на русском языке.



ПРЕДИСЛОВИЕ

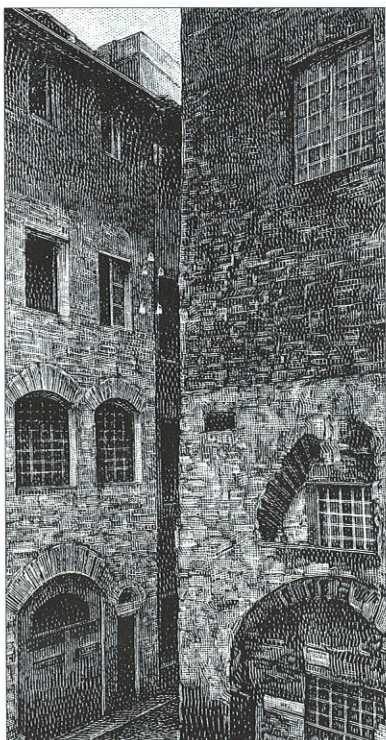
Перу Данте принадлежат сборники прозы и стихов «Vita Nuova», «Convivio», рефераты «Quaestio de aqua et terra» и многие другие произведения, но их вклад в мировую литературу и в другие области искусства несоразмерен с «La Divina Comèdia», «Божественной Комедией» — колоссальнейшей работой в области живого человеческого слова.

При полной отвлеченности замысла это произведение поражает своей реальностью, обилием и точностью почерпнутых из природы и человеческой жизни поэтических сравнений и образов. Данте находит такие точные слова в описании человеческой души с ее пороками, страстями, радостями и добродетелями, что каковы бы ни были детали, как бы ни чужда была обстановка, в которой совершается действие, — картина, созданная поэтом, становится близкой и понятной любому. В образах Данте, как в зеркале, отражаются все «потемки» души, осветить которые и интересно, и поучительно для каждого человека. Данте сумел сделать это, и не было еще никого, кто бы столь же проникновенно описал мир, откуда нет возврата никому из смертных.

* * *

Когда написано это произведение — сказать точно нельзя, но полагают, что первые песни «Комедии», судя по многим упоминаемым в ней фактам, были написаны около 1313 г., после окончания неудачного похода на Рим Генриха VII. Мысли же о создании «Божественной Комедии» появились у Данте задолго до того, как он приступил к работе над ней. Сборник «Vita Nuova» является своеобразным предисловием к «Комедии», потому что там уже есть указание на «путешествие Данте в ад».

Следует сказать несколько слов и о самом названии этого произведения. Сам Данте назвал его просто «Комедией», потому что начало ее — «Ад» — ужасно, а конец — «Рай» — радостен. Эпитет «Божественная» ей был придан уже в XVI столетии восхищенными потомками, с одной стороны, вследствие



Дом Данте во Флоренции

самого содержания ее и, с другой, как обозначение высочайшего ее совершенства. Петрарка о «Божественной Комедии» говорил так: «Это не Данте, а Святого Духа творение», и далее: «Данте сказал всё в “Комедии” и ничего не оставил другим».

«Божественная Комедия» не принадлежит ни к одному из существовавших ранее видов поэзии; это своеобразная смесь различных ее элементов, до сих пор еще единственная в своем роде. Поэма состоит из 100 песен, заключает в себе 14 230 строф и разделена на три части (или кантики): «Ад», «Чистилище» и «Рай». В каждой из частей — по 33 песни, «Ад» открывается одной добавочной — вступлением ко всей поэме. В «Божественной Комедии» Данте впервые применил терцины¹, вызвав впоследствии подражания почти во всех европейских литературах.

Данте в письме к Кангранде делла Скала, приютившему его в Вероне, при отсылке последней части «Комедии» отмечал, что смысл его произведения двойной: буквальный и аллегорический — явный и скрытый, внешний и внутренний. Поэтому и тема поэмы двойная; первая — явная: показать состояние душ после смерти человека; вторая — аллегорическая, скрытая: человек по смерти награждается или наказуется, в зависимости от его дел при жизни. Две эти темы Данте подчиняет общей цели поэмы — показать, как живущие на земле могут освободиться от греховности и выйти на путь, ведущий к вечному блаженству.

¹ Терцина (от *terza rima* (итал.) — третья рифма) — ряд трехстиший, связанных рифмовкой по схеме *aba, bcb, cdc, ded...* узу з. Таким образом, терцины дают непрерывную рифменную цепь произвольной длины, удобную для произведений крупных форм.

Данте был не первым в создании произведений подобного рода. Многие поэты того времени писали уже на эту тему. Существовали многочисленные описания Страшного суда, ужасов ада, блаженства рая; существовали также легенды о видениях воскресших Лазаря, апостола Павла, но все эти произведения были отрывочны, противоречили друг другу, не имели философской подкладки. Данте же систематизировал нестройную смесь образов, согласовав свою систему с учением церкви и придав своему труду философский характер. «Комедия» Данте — великая аллегория греха и искупления его с религиозно-нравственной точки зрения. Как в зеркале, в поэме отражаются падение и возрождение человека, который в самом себе носит свой «ад» — гибель души при преобладании тела: поэтический образ порока — и свой «рай» — поэтический образ добра, внутреннего покоя и счастья. Переход от первого ко второму путем раскаяния — это чистилище, неминуемое для каждого стремящегося к блаженству.

«Божественная Комедия» затрагивает еще и политическую составляющую жизни. Автор говорит об анархическом состоянии мира вообще и Италии в частности. Темный лес, где заблудился поэт, первый путеводитель Данте — Вергилий отражают в себе идею гибеллинов — идею римской всемирной монархии и т. д.

Вместе с тем содержание «Комедии» отражает в себе и личную жизнь автора, а сама поэма, будучи написана на итальянском — народном — языке, является в некоторой степени началом итальянской литературы, отдавая предпочтение «народному» языку по сравнению с литературным языком того времени — латинским.

Таким образом, в этом произведении собраны разнообразнейшие мотивы: наука, религия, политика, история Италии, автобиография автора, и в то же самое время она является подробнейшей энциклопедией Средних веков.



Гробница Данте в Равенне

Описания Данте так изумительно рельефны, что современники поэта думали, что он и в самом деле побывал в преисподней. Известен рассказ о двух веронках, встретивших Данте на улицах этого города. «Посмотри-ка! — сказала одна из них, указывая на поэта. — Вот тот, который может ходить в ад и приносить оттуда вести!» — «Ты права!» — отвечала подруга. — У него от адского огня потемнело лицо и закурчавилась борода!» Так было велико впечатление, произведенное «Адом» на первых читателей, такое впечатление производит поэма и теперь на всякого, читающего ее...

Заканчивая на этом наше вступление, мы переходим к бессмертному произведению Данте Алигьери...

Л. Кондрашова





ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АД



ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

ДАНТЕ, ПОПАВ В ДРЕМУЧИЙ ЛЕС (ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ С ЕЕ СТРАСТЯМИ), ЗАБЛУДИЛСЯ В НЕМ И ВНЕЗАПНО ЗАСНУЛ. ПРОБУДИВШИСЬ, ОН ВИДИТ СЕБЯ У ПОДНОЖИЯ ХОЛМА, ВЕРШИНА КОТОРОГО ОСВЕЩЕНА ВОСХОДЯЩИМ СОЛНЦЕМ. ОН РЕШАЕТСЯ ПРОДОЛЖАТЬ СВОЙ ПУТЬ, ЖЕЛАЯ ВЗОЙТИ НА ХОЛМ (ЧТО ОЗНАЧАЕТ СТРЕМЛЕНИЕ К ДОБРОДЕТЕЛИ), НО ЕМУ ПРЕГРАЖДАЮТ ДОРОГУ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ТРИ ЧУДОВИЩА: ПЯТНИСТАЯ ПАНТЕРА (ЧУВСТВЕННОСТЬ), ГРОМАДНЫЙ ЛЕВ (ГОРДОСТЬ) И ВОЛЧИЦА (АЛЧНОСТЬ). УСТРАШЕННЫЙ ЭТИМИ ЧУДОВИЩАМИ, ДАНТЕ СТАЛ УЖЕ ТЕРЯТЬ НАДЕЖДУ НА ДОСТИЖЕНИЕ СВОЕЙ ЦЕЛИ, НО НА ПОМОЩЬ ЕМУ ЯВЛЯЕТСЯ ТЕНЬ ВЕРГИЛИЯ (ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ПОЭЗИИ). ЭТОТ РИМСКИЙ ПОЭТ ОБРАЩАЕТСЯ К ДАНТЕ СО СЛОВАМИ УТЕШЕНИЯ И ОБЕЩАЕТ ЕМУ ПРОВЕСТИ ЕГО ЧЕРЕЗ ВСЕ ОПАСНОСТИ, СОВЕТУЯ ПРИ ЭТОМ ПРОЙТИ ВМЕСТЕ С НИМ ЧЕРЕЗ АД И ЧИСТИЛИЩЕ И ТАКИМ ПУТЕМ ДОСТИГНУТЬ ПОРОГА ВЫСШЕГО ЦАРСТВА — РАЯ, ГДЕ ОН, ВЕРГИЛИЙ, КАК ЯЗЫЧНИК, ДОЛЖЕН БУДЕТ РАССТАТЬСЯ С ДАНТЕ, ПЕРЕДАВ ЕГО БОЛЕЕ ДОСТОЙНОМУ ПРОВОДНИКУ, А ИМЕННО БЕАТРИЧЕ, В КОТОРОЙ ДАНТЕ ОЛИЦЕТВОРЯЕТ БОГОСЛОВИЕ. ДАНТЕ СОГЛАШАЕТСЯ ПРИНЯТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВЕРГИЛИЯ И ВМЕСТЕ С НИМ НАЧИНАЕТ СВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В АД.



На полпути¹ земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий².
Он высился, столь грозный и могучий,
Что описать его не в силах я
И при одном о нем воспоминанье
Я чувствую душою содроганье.
Ужаснее лишь смерть бывает нам;
Но, ради благ, найденных мною там, —
Скажу про все, увиденное мною.
Не знаю сам, как сбивчивой тропею
Я в этот лес таинственный вступил:
Глубоким сном я вдруг охвачен был.



*На полпути земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий.*

(«Ад», песнь I)

Когда же я приблизился к холму,
Служившему границей той долине,
Где я блуждал в тревоге и кручине, —
Увидел я, как, разгоняя тьму,
Луч солнечный забрезжил на вершине,
И легче стало сердцу моему.
Утихнул страх, взволнованное море
Души моей смущавший в эту ночь,
Которую провел я в тяжком горе.
И, как пловец, успевший превозмочь
Опасности, еще глядит на волны
И на берег выходит, страхом полный, —
Так, трепеща, туда я кинул взгляд,
Откуда нет живущему возврата
И ни один не приходил назад.
Почувствовав, что плоть моя объята
Усталостью, решил я отдохнуть
И, подкрепясь, опять пустился в путь.
Я шел вперед гористою дорогой
И встретился на самой крутизне
С пятнистою пантерой³ быstroногой;
Преградою в пути являясь мне,
Ужасный зверь на месте оставался,
И сам бежать я тщетно порывался.

Был ранний час, и вот, окружено
Созвездьями, светило дня всходило,
Как в первый день, когда зажглось оно
Божественной любви святою силой.
Отрадою дышало все кругом,
И сам я ждал победы над врагом,
Но снова был тревогой роковою
Охвачен я: с поднятой головою

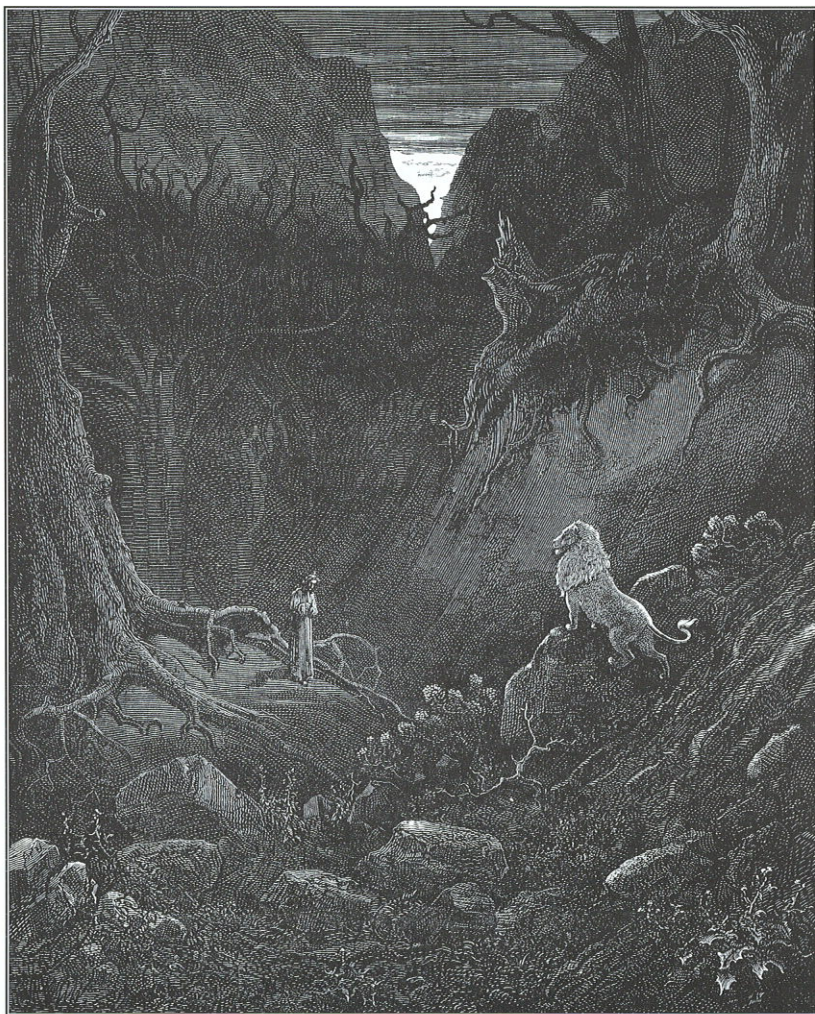


*Я шел вперед гористой дорогой
И встретился на самой крутизне
С пятнистой пантерой быстроногой...*

(«Ад», песнь 1)

Свирепый лев⁴ моим очам предстал.
Он шел ко мне настойчиво и властно,
И голодом казался так ужасно
Терзаем он, что воздух трепетал.
Вослед ему шла тощая волчица⁵,
Чьей алчности неведома граница:
Томит людей желаньями она.
И вновь душа, отчаяньем полна,
Смутилася, и, повинувась взору
Чудовища, не смел идти я в гору.
И, наподобье жалкого скупца,

Когда, лишась навеки обладанья
 Сокровищем, не в силах он рыданья
 Сдержать в груди, — я плакал без конца
 И отступал пред нею к той долине,
 Где гаснет свет. И там, в немой пустыне,
 Я смертного увидел пред собой.
 От долгого молчания безгласен
 Казался он, и молвил я с мольбой:
 «Призыв к тебе да будет не напрасен!
 Кто б ни был ты: бесплотный светлый дух
 Иль человек — склони к моленью слух,
 Спаси меня в моей ужасной доле!»
 И молвил он: «Уж я не смертный боле,
 Но смертным был при Юлии рожден⁶.
 Я жил во тьме языческих времен,
 При Августе, и вместе с целым Римом
 Благоговел пред божеством я мнимым.
 Там, на земле, я также был поэт,
 И в песнях мной Анхизов сын⁷ воспет,
 Бежавший прочь от Трои горделивой.
 Но отчего обратно в эту тьму
 Стремишься ты — не к светлому холму,
 Не к высоте безгрешной и счастливой?»
 И молвил я, склонив пред ним чело:
 «Ужели ты — Вергилий несравненный,
 Поэзии источник вдохновенный,
 Струющийся обильно и светло?
 Хвала тебе! И славою, и светом
 Являешься ты всем другим поэтам.
 Наставник мой, которого прилежно
 Я изучал, заступником моим
 Явись в беде, грозящей неизбежно!
 Тобою был в труде руководим,



*...с поднятой головою
Свирепый лев моим очам предстал.*

(«Ад», песнь 1)